

ДРАКОНЫ НЕ УМИРАЮТ

18+

ЧАСТЬ 1

ОШИБКА НЕБЕС

ср ογινεвоυ
HATAΛUX KPOC

Наталия Крас

**Драконы не умирают.
Ошибка небес**

«Автор»

2026

Крас Н.

Драконы не умирают. Ошибка небес / Н. Крас — «Автор», 2026

Они не помнят, как стали хищниками. Они родились такими. Но где-то в глубине веков, в лесах, где люди поклонялись огню, чужая технология сплела человеческое сознание со звериной душой, создав расу оборотней. Это не проклятие и не дар – это ошибка, которую инопланетная цивилизация пыталась исправить, но лишь усугубила. Наш мир – хрупкое равновесие между людьми и теми, кто носит зверя под кожей. Но чаша весов вот-вот опрокинется. Готовы ли вы узнать, что скрывается за последней полной Луной? Ограничения 18+ (откровенные сцены)

© Крас Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Нить между звёздами	5
Глава 1. Полнолуние над городом	7
Глава 2. Жар и пепел	14
Глава 3. В Долине Камней	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Драконы не умирают. Ошибка небес

Пролог. Нить между звёздами

Они пришли не из тумана. Они пришли из времени. Из той глубины, где прошлое и будущее сливаются в одну светящуюся нить, натянутую между звёздами.

Далеко за пределами Солнечной системы, в спиральном рукаве галактики, которую земные астрономы обозначали лишь сухим номером каталога, существовал мир без войн.

Планета Пирра вращалась вокруг двойной звезды, и свет её был мягким, медовым, никогда не обжигающим. Утро здесь не наступало резко, оно разливалось по кристаллическим долинам медленным золотом, как тёплое дыхание спящего великана. Здесь не знали, что такое голод, ярость или ревность. Эти слова не имели аналогов в языке пиррианцев, потому что не имели опыта, из которого могли бы родиться.

Сознание пиррианцев было единым полем, где каждая мысль находила отклик, как звук струны в идеально настроенном оркестре. Они не спорили, потому что чувствовали правоту друг друга раньше, чем она успевала стать предметом спора. Они не боялись одиночества, потому что одиночество было для них невозможно. Пиррианцы – каждый по отдельности и всё общество в целом – были очень уверенными и спокойными. Но всё же они наблюдали.

Они наблюдали за Землёй давно. С тех самых пор, когда их звездолёт искал пригодные для терраформирования миры и потерпел крушение в лесах, которые местные племена называли «дремучими». Это случилось во времена, когда на Земле жили люди, поклонявшиеся духам леса и огня. Пиррианцы не собирались оставаться. Они должны были отремонтировать корабль и улететь. Но их присутствие не прошло бесследно: авария напугала древних землян, и несколько десятков местных жителей погибли тогда в панике под обломками рухнувших деревьев и в дыму горящих ветвей. Пиррианцы впервые увидели смерть не как абстрактную возможность, а как чужую боль, которую они причинили, с прискорбием наблюдая, как их действия умножили в людях желание мстить и воевать.

Чтобы исправить зло, которое они случайно принесли, пиррианцы запустили над планетой био-волновой резонатор. Он должен был смягчить агрессию, разбудить эмпатию, заглушить древние инстинкты, из-за которых одно живое существо поднимало руку на другое. Им казалось, что это благо. Им казалось, что они несут исцеление. Но атмосфера Земли, пропитанная вулканическим пеплом, влажными испарениями болот и радиоволнами чуждого им солнца, исказила работу резонатора пиррианцев. Вместо того, чтобы стереть животное начало, резонатор сплавил человеческое сознание с сознанием животных, населявших тогда Землю, создав генетическую бомбу замедленного действия. Таким образом в человеческую расу и пробрались оборотни – полулюди-полузвери.

Их было не так много, и они не могли существенно повлиять на ход событий тех времён, но они остались среди людей.

Спустя две тысячи лет, сидя в кристаллическом зале, Наблюдатель Эйнар смотрел на голограмму Земли. Она висела перед ним – голубой шар, подёрнутый тонкой дымкой облаков, живой и одновременно беззащитный. Он видел, как по поверхности планеты ползёт чёрная рябь – пробуждение зверя. Это было похоже на трещины в стекле: сначала едва заметные, потом всё глубже, шире, темнее.

– Мы создали расу хищников, – произнёс он вслух, и его мысль, усиленная куполом, прозвучала в головах всех членов Совета одновременно. – Теперь они хотят стать хозяевами. Мы должны исправить это. Но сначала... мы должны их услышать.

Он не отвёл взгляда от голограммы. Где-то там, в одной из точек этого далёкого мира, мужчина смотрел на полную Луну и чувствовал, как под кожей просыпается огонь. Женщина с

кошачьими зрачками прятала когти в карманах пальто. Молодой лев сжимал кулаки, не понимая, почему его так тянет в лес. Они ещё не знали, что их жизни связаны одной невидимой нитью, протянутой из далёкого прошлого.

Эйнар выключил проекцию. В зале стало тихо, только где-то далеко, в недрах зала, гудели кристаллы, поддерживавшие связь с орбитальными станциями.

– Мы не можем больше оставаться наблюдателями, – сказал он. – Но мы уже ошибались, когда вмешивались. Поэтому теперь мы будем слушать. И если понадобится, придём сами.

Глава 1. Полнолуние над городом

Окна ректората выходили на восток. Гранитный массив здания бывшего НИИ тяжело нависал над спящими улицами города, и только в кабинете на десятом этаже горел свет. Виктор Андреевич Строганов стоял у панорамного стекла, вцепившись пальцами в оконную раму. Внешне он был безупречен: дорогой костюм угольного цвета, идеальный пробор в тёмных волосах, строгий взгляд молодого ректора, привыкшего к дисциплине и тишине аудиторий. Но внутри него, за рёбрами, ворочалось пламя.

Сегодня было полнолуние.

Он чувствовал, как под кожей начинают зудеть чешуйки, как мир становится резким, пахнущим железом крови и весенней горечью. Каждый звук долетал до него отчётливо: шорох шин по асфальту, далёкий лай собаки, гул лифта, тихий скрип половиц в коридоре. Он слышал даже, как в кабинете этажом ниже охранник перелистывает страницы журнала и постукивает ручкой по столу. Только усилием воли он удерживал человеческую форму. Десять лет брака с Анной – простой, тёплой, пахнущей пирогами женщиной – научили его дисциплине. Она спала сейчас на втором этаже их коттеджа, ничего не зная о том, что в её муже живёт огненный дракон. А он был на работе, хотя рабочий день давно закончился.

Он остался намеренно. Дома было слишком тихо, а ему нужно было спрятать от жены то, что происходило с его телом. В такие ночи он не мог лежать рядом с ней, боясь обжечь её во сне, боясь, что она почувствует запах серы, который проступал сквозь кожу, как испарина. Поэтому он придумывал себе срочные заседания, проверки отчётов, совещания. Анна верила. Анна всегда верила.

Он вспомнил их последний разговор за ужином. Она приготовила его любимый борщ, нарезала чёрный хлеб, поставила на стол солонку. Виктор сидел, уткнувшись в телефон, и почти не замечал её стараний. Анна смотрела на него с лёгкой обидой, но молчала. Только когда он поднялся из-за стола и поцеловал её в лоб, она произнесла:

– Ты сегодня поздно?

– Да, заседание учёного совета. Не жди меня.

Она кивнула, но в её глазах мелькнула тревога. Анна всегда чувствовала, когда он уходит не на работу, а в свой внутренний мир, куда ей не было доступа. Но она не задавала вопросов. За десять лет она научилась не спрашивать о том, чего не могла понять. Она просто ждала.

Теперь, стоя у окна, Виктор смотрел, как Луна медленно поднимается над крышами. Полная, огромная, неестественно яркая, она заливала кабинет серебристым светом, и тени от мебели становились чёткими, как на рентгене. Он чувствовал, как с каждым лунным сантиметром, восходящим над горизонтом, внутри него просыпается нечто древнее, голодное, жаркое. Руки слегка дрожали, а ноздри расширялись, втягивая воздух, наполненный сотнями запахов: бензин, пыль, мокрая листва, чьи-то духи, далёкий костёр, пот, звериная шерсть, цветущий горький миндаль... И всё это смешивалось с нарастающим звоном в ушах – так звучала кровь, бегущая по венам дракона.

Он медленно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Ему казалось, что воротник душит. Кожа на шее была горячее, как печка. Виктор приложил ладонь к холодному стеклу, и на нём тут же появилось матовое пятно от пара. Стекло не выдержало бы прямого контакта с его кожей дольше нескольких секунд, но он лишь на мгновение позволил себе эту слабость.

– Соberись, – прошептал он себе. – Ты не зверь. Ты человек. Ты ректор. Ты муж.

Но голос разума тонул в гуле, который исходил откуда-то из глубины грудной клетки. Полнолуние всегда было испытанием. Раньше, до женитьбы, он справлялся иначе: уезжал за город, в горы, где мог обернуться вдали от людей, выплеснуть огонь в каменистые ущелья, сжечь несколько старых пней и вернуться под утро обессиленным, но очищенным. Теперь же

у него была Анна, и он не мог просто исчезнуть, не объяснив причин. Поэтому он придумывал себе работу, сидел в кабинете, пил холодный чай, делал вид, что перебирает бумаги, и ждал, когда Луна перевалит зенит и начнёт клониться к закату.

Но сегодня полнолуние было особенно мощным. Оно совпало с весенним равноденствием – редкое астрономическое явление, которое даже среди оборотней считалось «ночью большой крови». Виктор не знал, правда ли это, но чувствовал, как всё его естество натянуто, словно струна. Казалось, ещё немного – и он не выдержит, кожа лопнет, и из неё вырвется пламя.

Он подошёл к столу, налил в стакан воды из графина и сделал глоток. Вода показалась горькой. Он взглянул на часы: до полуночи оставалось сорок минут. В коридоре слышались шаги. Кто-то поднимался по лестнице, лифт не работал после десяти. Виктор прислушался. Шаги были лёгкими, но уверенными, с едва уловимым стуком каблуков. Женщина.

Он замер. В здании не должно было быть никого, кроме охранника внизу. Возможно, это уборщица? Но уборщица давно закончила работу. Он принялся, доверившись звериным инстинктам. Воздух принёс новый аромат – грозы, озона и жареного песка. Такой запах он не спутал бы ни с чем. Такие запахи бывают в пустыне после удара молнии, когда воздух ещё дрожит от разряда, а песок под ногами хранит электрическое тепло.

Запах был настолько сильным, что у Виктора потемнело в глазах. Он вцепился в край стола, пытаясь унять дрожь. Пламя внутри взревело, как печь, в которую подбросили угля.

Шаги остановились напротив его двери. Тишина. Потом – стук. Три коротких острых удара, костяшками по дереву.

– Войдите, – выдохнул он, не оборачиваясь.

Дверь открылась, и запах ударил в ноздри с новой силой. Виктор медленно повернулся.

Она стояла на пороге, держа в руках папку с документами. Длинное платье цвета индиго струилось по худым бёдрам, на шее мерцала тонкая цепочка, а в тёмных глазах плескался странный свет, нечеловеческий. Густые каштановые волосы распущены, и когда она сделала шаг вперёд, Строганов заметил, как у неё подрагивают ноздри – она тоже принялась хихикала.

Это была Князева, новый преподаватель философии, которую он сам принимал на работу две недели назад. Тогда она показалась ему привлекательной, но не более. Теперь он увидел её иначе: не как коллегу, а как источник опасности и притяжения одновременно.

– Ева Львовна, – произнёс он, и голос его прозвучал глуше, чем обычно. – Вы сильно задержались. Рабочий день давно закончился.

– Я знаю, Виктор Андреевич, – улыбнулась она, и в улыбке этой была глубокая хищная насмешка. – Но вы же не уходите. Я слышу, вы дышите как-то необычно, учащённо.

Она закрыла за собой дверь и, не спрашивая разрешения, прошла вглубь кабинета. Виктор отступил к столу, стараясь держать дистанцию, но Ева последовала за ним, положила папку на стол и провела пальцем по полированной столешнице. От её пальца осталась тонкая струйка дыма.

– Вы такой серьёзный, – прошептала она. – Скажите, вам не кажется, что сегодня воздух слишком... электрический?

Она говорила негромко, почти интимно, и каждое слово касалось его как горячее дыхание. Он чувствовал, как внутри разгорается то, что он привык подавлять годами. Пламя поднималось от груди к горлу, и ему стоило труда не выдохнуть пар, а вместе с ним просился рык животного. Но сдержаться помогла многолетняя натренированность.

– Ева, – произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, – вам не следует здесь находиться. Уже поздно.

– Поздно? – переспросила она, склонив голову к плечу. – А разве для таких, как мы, существует «поздно»? Разве мы не живём в другом времени?

Он не ответил. Она сделала ещё один шаг, и теперь между ними оставалось не больше ладони. Её запах заполнил всё пространство кабинета, вытесняя привычную смесь бумажной пыли и кофе. Он чувствовал жар, исходящий от её светлой кожи, и понимал, что этот жар не человеческий.

– Ева Львовна, – повторил он, но уже менее уверенно, – что вам нужно?

– Мне нужно то, за чем я сюда пришла, – ответила она, глядя ему в глаза. – Я пришла не работать.

Внизу, в вестибюле, охранник дремал перед мониторами. На улице хлопнула дверь такси, и кто-то затянул пьяную песню. Время шло к полуночи. Виктор смотрел на Еву, и с каждой секундой его воля плавилась. Его род, древний, как сами горы, никогда не ошибался в чутье. Он знал, кто она. Но не смел сказать вслух.

– Ева, – прохрипел он, – уходите.

– А если я не хочу? – она оперлась бедром о край стола, и платье чуть приподнялось, открывая бледную кожу лодыжки. – Вы ведь чувствуете то же, что и я. Вы пахнете... особым жаром. Ваша жена не замечает, что вы умеете согреть чай? Что ваше тело – это печь?

Она явно издевалась над ним. Или проверяла. Виктор сделал шаг к ней, и челюсти его свело от напряжения. В зрачках сверкнул алый отблеск.

– С чего вы взяли? – рявкнул он.

Ева выпрямилась, и на полсекунды комната залилась оранжевым светом – она перестала сдерживаться. Её глаза превратились в вертикальные щёлочки, а на предплечьях проступил рисунок чешуи, похожий на татуировку, только живой, подвижный. В воздухе запахло раскалённым металлом и сухой травой.

– Потому что я такая же, – жарко выдохнула она. – Я пришла сюда не работать. Я пришла найти тебя. Сегодня полнолуние. Мы не сможем притворяться дальше. И я хочу... я хочу почувствовать свой род рядом. Я устала быть одна.

Строганов тихо зарычал – низко, грудью. В этом рыке не было гнева, лишь давняя тоска, перемешанная с сиюминутной жадностью. Он схватил её за запястье, и кожа под его пальцами нагрелась до температуры кипятка.

– Ева, – начал он, и в голосе его уже не было ни ректора, ни человека, был только зверь. – Если мы сейчас останемся здесь, я не смогу остановиться.

– Я и не прошу останавливаться, – чувственно прошипела она в ответ.

Он притянул её к себе. Губы их встретились, и кабинет перестал существовать. Осталась только ночь, полнолуние и два огня, которые слишком долго ждали этой встречи.

Прежде чем поцелуй стал по-настоящему грубым, Виктор вдруг остановился, отстранился и заглянул ей в глаза. В них плясало золотое пламя, и он увидел отражение собственного взгляда – алого, как закат над вулканом.

– Ты уверена? – прошептал он, и голос сорвался в хрип.

– А ты? – ответила она вопросом на вопрос, лизнув верхнюю губу. – Ты хочешь уйти? Я не стану тебя держать. Но если останешься – знай, что обратной дороги не будет. Для нас обоих.

Виктор молчал. В голове мелькнуло лицо Анны, её тёплая улыбка, запах пирогов, тихие вечера у телевизора. Но всё это вдруг показалось таким далёким, таким чужим, будто он смотрел на чью-то другую жизнь – не свою. А здесь, перед ним стояла женщина, которая знала его настоящего. Которая сама была такой же. И впервые за десять лет он не чувствовал себя одиноким.

– Я не хочу уходить, – сказал он.

Ева улыбнулась, но уже не насмешливо, а печально и нежно.

– Тогда иди ко мне, мой дракон.

Он снова притянул её к себе, и поцелуй стал жёстким, почти болезненным. Ева впивалась в его губы с такой силой, будто хотела выпить его дыхание. Язык её был горячим, как кусок

угля, и касался его нёба, оставляя солоноватый привкус. Это была не человеческая нежность и не игра в соблазнение. Это было соединение двух стихий, каждая из которых веками ждала этой встречи.

Он рвал на ней платье, не заботясь о пуговицах, – они отлетали в стороны, как мелкие жемчужины, и терялись среди бумаг, разлетевшихся по полу. Ева царапала его спину, и из-под её ногтей сыпались искры, оставляя на коже светящиеся следы, которые тут же тускнели, превращаясь в тонкие шрамы. Стекла в окне едва заметно завибрировали от резкого перепада температуры: внутри кабинета воздух раскалился до предела, а снаружи уже дышала ночная прохлада.

Они не заметили, как опрокинули лампу на стол, как упали папки с отчётами, как загорелся угол ковра. Всё это было неважно. Важно было только то, что наконец, после многих лет одиночества и притворства два дракона нашли друг друга в этом мире, где им не было места.

Их тела сплетались в диком танце, а из горла рвались рычащие стоны. Пламя, которое они так долго сдерживали, теперь выходило наружу, обжигая всё вокруг. Но им было не страшно. Впервые за долгое время они чувствовали себя живыми.

Он опрокинул её на стол. Бумаги веером разлетелись по полу, тяжёлая лампа упала и разбилась с резким звоном, но никто не обратил на это внимания – ни звук, ни осколки, ни хруст стекла под ногами не имели значения. В воздухе пахло озоном, электричеством и чем-то древним, чему не было названия на человеческом языке. Оба знали, что за окнами вот-вот взойдёт Луна – огромная, маслянистая, провокационная, – и её свет уже начинал просачиваться в кабинет, окрашивая всё в бледно-золотистый цвет.

– Покажи мне, – хрипел он, спускаясь губами по её шее к ключице и чувствуя биение её пульса, быстрого, как у птицы, попавшей в клетку. – Покажи, что ты сильнее. Докажи, что ты не просто женщина, что ты – моя.

Ева выгнулась дугой, и из её груди вырвался столб пара – белого, густого, пахнущего серой и жасмином. Она содрала с него пиджак, затем рубашку, и он остался стоять перед ней полуобнажённый, с грудью, покрытой узором тёмных чешуек, проступающим всё отчетливее с каждым ударом сердца. Его кожа стала горячей настолько, что воздух вокруг начинал дрожать, как над раскалённым асфальтом. Он видел, как её глаза вспыхивают золотом, как на скулах проступают тонкие линии чешуи – она тоже переставала притворяться человеком.

Едва избавившись от остатков одежды, он резко развернул её, прижав лицом к столу. Странно ли, но под платьем Евы не было и намёка на бельё. И Виктор, приподняв её за бёдра, вошёл в неё сзади, грубо и глубоко. Она вскрикнула – не от боли, а от неожиданности и восторга, – и её пальцы вцепились в край стола, оставляя на дереве обугленные следы. Каждое его движение было резким, как удар молнии, и она отвечала на каждое из них. Он сжимал её талию, чувствуя, как раскаляется под ладонями её кожа, а из глубины тела вырывается сухой, жаркий стон, похожий на рык.

Она приподняла голову, и их взгляды встретились. В её зрачках плясало пламя.

– Сильнее, – прошипела она, и её голос сорвался на низкий, вибрирующий звук. – Не жалей меня!

Он усилил темп, почти вбивая её в стол, и бумаги, которые ещё оставались на поверхности, вспыхивали от их жара. Ева выгнула спину, принимая его глубже, и её стоны перешли в непрерывное шипение. Он почувствовал, как её внутренние мышцы сжимаются, пульсируют, подхватывая ритм, и понял, что она близка. Виктор, еле сдерживая себя, всё же смог замедлиться, заставляя её ждать, и она зарычала от нетерпения, вцепившись в его руку на своём бедре.

– Нет, не останавливайся, – выдохнула она, и в её голосе были мольба и угроза одновременно.

Он не послушался и выскользнул из неё, развернул к себе, усадив на край стола. Она обвила ногами его поясницу, а он вошёл в неё снова – теперь лицом к лицу, чувствуя, как её грудь прижимается к его груди, как её соски, твёрдые и горячие, трутся о его кожу. Их взгляды встретились и не отрывались друг от друга, пока он двигался в ней размеренно, глубоко, с каждым толчком заставляя её голову слегка запрокидываться назад. Кончики её длинных волос касались обугленных бумаг на столе, и от них поднимался тонкий дымок.

– Ты чувствуешь, – прошептал он, и его голос дрожал от напряжения, – как мы горим вместе?

– Да, – выдохнула она, и её пальцы впились ему в плечи, оставляя алые следы. – Мы – один огонь.

Он ускорился, и она вскрикнула, прогнувшись дугой назад. Он мог видеть каждую линию напряжённых мышц, их плавный рельеф был очерчен лунным светом. Он остановился, прикусил её плечо – не сильно, но достаточно, чтобы оставить след, – и она отозвалась на это судорожным сокращением внутренних мышц. Он удержался, сжал её бедра жаркими ладонями и вошёл в неё с новой силой, теперь почти яростно, так что стол заскрипел, а ножки заскрежегали по полу. Ева целовала его шею, оставляя влажные, горячие следы, и шептала что-то бессвязное – смесь древних слов и современных эпитетов.

Потом он вышел из неё, поднял её на руки – она показалась ему лёгкой, почти невесомой, – и прижал к стеклу высокого окна. Она обхватила его плечи, а он вновь вошёл в неё стоя, держа её на весу. Её спина касалась холодного стекла, и от этого контраста – жар её тела и лёд окна – по её коже побежали мурашки, и она застонала громче, почти крича. Он двигался резко, сбивчиво, прижимая её к стеклу, взглядывая на то, как Луна золотисто освещает город, не замечающий их дикого танца.

– Я хочу видеть тебя, – прохрипел он и опустил её на пол.

Там он откинул её на спину, прямо на обгоревший ковёр, она широко развела длинные ноги, и он входил в неё снова и снова – теперь медленно, глубоко, доводя каждое движение до предела.

Она лежала на дымящемся ковре, раскинув руки, и её грудь тяжело вздымалась, а изо рта вырывались облачка пара. Он навис над Евой, опираясь на руки, и двигался в ней, с наслаждением растягивая каждое движение, чувствуя, как она сжимается вокруг него всё сильнее. Ева приподняла бедра, встречая его, и в какой-то момент её стон превратился в глухой низкий рык, похожий на звериный вой.

Он ускорился, и она закричала, впиваясь пальцами в его кожу на ягодицах, – громко, отчаянно, но в её крике была не боль, а освобождение. Тогда он приблизил её лицо к себе, резко обхватив под шеей. Пламенеющие взгляды встретились и не отпускали друг друга, пока раздавался их обоюдный финальный рык, полный огня и удовлетворённой страсти. Лица, на которых отчётливо проступил рисунок чешуи и струился по вспотевшей коже, то проявляясь на скулах, то у линии челюсти, то на шее, посылали друг другу обоюдный зов и тут же получали отклик – тонкий золотистый язык пламени один навстречу другому, и это было для них слаще любого человеческого поцелуя. Их звериные крики слились в один, и мир вокруг схлопнулся, чтобы родиться заново.

Они лежали на полу, тяжело дыша, покрытые потом и пеплом. Ева первой пришла в себя и села, засмеявшись – горько, нервно. Её смех был похож на звон разбитых колокольчиков, немного хриплый и срывающийся, но в нём не было истерики – только облегчение. Она прижалась щекой к его колену, выставленному вверх, и её волосы, всё ещё потрескивающие от статики, касались его кожи и пола, легонько подгорая на кончиках.

– Дракон, – прошептала она, и голос её сорвался на шёпот, полный благоговения и нежности. – Я знала. Как только вошла в этот кабинет, как только почувствовала твой запах за три

этажа, я знала, что ты мой. Ты не просто оборотень, Виктор. Ты из рода тех, кто строил гнёзда в жерлах вулканов, когда люди ещё жили в пещерах.

Виктор присел рядом, провёл пальцем по её мокрой щеке – влажной от пота, слёз или того и другого. Его рука дрожала, но не от усталости, а от осознания того, что он только что сделал, и что это значило. Он коснулся её волос, отводя прядь от лица, и увидел под глазом крошечную чешуйку, золотистую, как монета.

– А твой огонь пахнет корицей и сухой травой, – ответил он, и голос его был мягче, чем когда-либо за последние годы. – Где ты была все эти десятилетия? Почему я никогда не слышал о тебе?

Она заглянула ему в лицо, остатки нежности и страсти куда-то вдруг подевались, и в её взгляде промелькнула серьёзность. Она показала то, что прятала до этого.

– Я была в стае, – с некоторым вызовом сказала она. – Не драконов, нет. Я ходила на тайные собрания. Ты ведь знаешь, что такие собрания существуют? Каждое полнолуние, в Долине Камней, за старым карьером. Там собираются все: волки, медведи, рыси, лисы, даже всякая мелочь. Драконов нет, но мы – это хребет. Мы те, кого боятся даже вожаки. Но мы не собираемся вместе, мы разбросаны. Я была одна среди волков, притворялась, что я одна из них, но всегда чувствовала, что мой огонь сильнее. И вот я нашла тебя.

Она замолчала, глядя на Луну сквозь окно и собираясь с мыслями, и её пальцы, всё ещё горячие, коснулись его руки.

– Виктор, я должна тебе кое-что сказать. Завтра будет собрание. Не просто ритуал, и не обмен новостями. Завтра решится судьба нашего мира. Я хочу, чтобы ты пришёл.

Он нахмурился, и в груди у него заворчалось нехорошее предчувствие. Он поднялся, подошёл к окну с треснувшим стеклом и выглянул в ночь. Луна уже взошла, её свет падал на город, делая его чужим и театральным. Слова Евы звучали как обещание беды.

– Зачем? – спросил он, не оборачиваясь. – Я никогда не связывался с сообществом. Я живу среди людей. У меня жена... – он запнулся, осознавая, как глупо это звучит в ушах женщины, с которой он только что разделил огонь. – У меня есть дом, работа, рутина. Всё, что я строил десять лет, рухнет, если я шагну туда.

Ева встала, на ней болталось оборванное платье, но ей это будто и не мешало, она приблизилась к нему сзади. Он почувствовал жар её ладони на плече.

– У меня тоже был муж, – сухо отрезала она, и голос её стал жёстче. – Человек. Он умер, не выдержав моего жара. Наверное, я до сих пор не могу себя простить за это, хотя ничего такого не делала. Только любила... Вернее... Старалась любить и была ему благодарна. Но он был слабее. Я поняла тогда, что мы не можем любить людей на равных. Наша любовь – это пламя, а они – как воск. Но ты не воск. Ты – камень. Ты выдержишь. Я знаю.

Она схватила его за плечи и развернула, заставляя смотреть себе в глаза. В его лице вспыхнул ответный огонёк, мгновенно блеснувший в сужившихся зрачках.

– Неужели... – запнулась она, влажно вглядываясь в него, – неужели ты хочешь причинить боль своей Анне? И спокойно будешь жить дальше, когда однажды не удержишь в себе дракона? Всё ведь бывает, мы тоже подвержены эмоциям, как люди, только проявляем их намного ярче.

Он нахмуренно осознал всю горечь сказанных слов, ведь и к нему не раз приходили те же мысли.

– Нет... – Виктор медленно повёл головой, отрицая такую ужасную перспективу, – конечно, я не хочу беды. Я тоже всегда испытывал благодарность и старался ничего не испортить.

Ева понимающе прикрыла глаза, принимая его слова, и снова распахнула их, продолжая говорить очень убеждённо:

– Собrania – это не просто ритуал. И мы – не просто звери. Мы – армия. Или ты думал, что десять процентов населения Земли, которые просыпаются в полнолуние, делают это просто ради охоты на кроликов? Эти сборы готовят нас к чему-то большему. Завтра ты увидишь.

Виктор нахмурился, переваривая её слова:

– Десять процентов?..

– Восемьсот миллионов зверей, – уточнила она, и её голос зазвенел сталью. – И большая часть из них даже не знает, кто они. Спят, видят странные сны, просыпаются с царапинами на коже, с кровью на подушке. Но мы, те, кто знает, собираемся не просто так. Мы собираемся, потому что нас что-то ждёт. Завтра – решающий момент. Приходи. Увидишь сам.

Она сделала шаг назад, оглядывая кабинет: чёрные следы на полу, обугленные стены, разбитую лампу. Но Виктор успел задержать её руку в своей, сжимая как в последний раз и глядя в неё с надеждой.

– А сейчас... отпусти меня, – сказала она мягче. – Мне нужно привести себя в порядок. И тебе тоже. От тебя пахнет серой за версту. Твоя жена, если она проснётся, учует этот запах. Ты должен скрыть его. Прими холодный душ, выпей воды, выбрось и убери всё, что осталось от этого пожара. А завтра я буду ждать тебя в Долине.

Она поправила на себе рваное платье – оно теперь было похоже на обожжённые лохмотья, но она несла его на себе с достоинством, как боевое знамя. В дверях она обернулась, и её глаза снова вспыхнули золотом.

– И, Виктор... – её голос стал хриплым от волнения. – Я давно не была счастлива. С тех пор, как поняла, что не могу быть с человеком, не сжигая его. А ты – первый, кто выдержал этот жар. Ты – мой.

Она вышла, подхватив без спроса его пиджак с пола, и дверь за ней закрылась с мягким щелчком. Виктор, опомнившись, хотел что-то ответить, сказать, и выглянул в коридор, открыв дверь. Ева уже заворачивала на лестницу, закутываясь по пути в его пиджак, чтобы прикрыть лохмотья. Он не стал её догонять.

Виктор остался один среди обугленных бумаг, оплавленного ковра и треснувших стёкол. Он стоял в центре разрушенного кабинета и смотрел на ночной город. Впервые за долгое время он почувствовал, что его жизнь – это не рутина, не скучное существование между заседаниями и семейными ужинами, а чей-то сложный, жестокий эксперимент, в котором он играет роль, которую не выбирал.

Он медленно опустил на корточки и поднял обгоревший лист бумаги – на нём ещё можно было разобрать несколько слов, но они не имели значения. Значение имел только жар, который всё ещё пульсировал под его рёбрами, и обещание завтрашней ночи, которая могла изменить всё.

А темнота за окном жаждала своего рассвета, бледного и холодного, когда Луна наконец скроется за горизонтом, окрашивая город в серую утреннюю дымку. Виктор подошёл к окну, провёл ладонью по треснувшему стеклу – плавно, будто ласкал женское тело – и сказал тихо, почти беззвучно:

– Долина Камней. Я приду.

Глава 2. Жар и пепел

Виктор ещё долго стоял в одиночестве посреди разрушенного кабинета. Голова гудела, в ушах не проходил звон, а кожа всё ещё хранила жар Евы. Он машинально провёл ладонью по лицу и почувствовал на пальцах смесь пота и пепла. В комнате пахло горелым деревом, серой и чем-то сладковатым, похожим на жасмин. Этот запах теперь будет преследовать его, он это знал наверняка.

Он включил свет и осмотрел место недавней страсти, похожее на поле боя. Ковёр прогорел в нескольких местах, обнажив старый паркет. На полу валялись обугленные листы, осколки стекла. Стол был сдвинут, его край обгорел, будто вдоль него провели факелом. Кресло лишилось одной ножки и валялось на боку. Шторы, которые он не помнил, как задел, почернели и съёжились, всё ещё дымясь.

Виктор подошёл к окну. Стекло пересекали трещины, напоминавшие паутину, но оно ещё держалось в раме. За окном едва светало. Луна, бледная и уставшая, висела над горизонтом, словно таяла в молочной дымке. Город просыпался: первые трамваи, редкие машины, дворники у подъездов.

Он глубоко вздохнул и заставил себя трезво оценить ситуацию. Нужно было уничтожить улики. Такой пожар не объяснить случайной спичкой или свечой, а запах серы выветрится не скоро. Он знал, что у оборотней есть свои способы замечать следы, но сам никогда ими не пользовался. Его мать, драконица старой крови, учила его: «Если не можешь скрыть – сделай вид, что так и было». Но как сделать вид, что в кабинете ректора случился маленький вулкан?

Он прошёл в маленькую туалетную комнату, примыкавшую к кабинету, и открыл кран. Холодная вода обожгла руки. Он набрал полную ладонь и плеснул в лицо. Пар поднялся от кожи. Виктор взглянул в зеркало: зрачки всё ещё отливали алым, на скулах проступали едва заметные чешуйки. Он закрыл глаза и медленно выдохнул, заставляя себя вернуться в человеческую форму. Это было так же трудно, как сдерживать рвоту.

Когда он снова открыл глаза, зеркало показало прежнего ректора: уставшего, осунувшегося, с тёмными кругами, но человека. Виктор вытер лицо бумажным полотенцем и вернулся в кабинет. Он собрал куски разбитой лампы в пластиковый пакет, найденный в шкафу, туда же угодили пуговицы, оторванные от платья Евы. Каждая из этих жемчужин напоминала о той, что застёгивала их тонкими пальцами, когда одевалась, думая о нём как о драконе и желая его. При этом она не надела бельё, то есть шла к нему и знала, что их близость неизбежна. Это возвращало к воспоминаниям о недавнем соединении двух стихий, о зове не только плоти, но и рода.

Виктор остановился посреди комнаты, ощупывая в пальцах последнюю пуговицу, и вдруг схватился за лицо. Там снова проступила чешуя, а внутренний огонь запросился наружу. Он забросил пуговицу в пакет и побежал умываться и осматривать себя у зеркала. Шрамы на плечах и спине тоже напомнили о страсти, бушевавшей совсем недавно всего в нескольких метрах от этого зеркала. Виктор омыл себя водой, насколько смог, полностью и постарался задвинуть все воспоминания поглубже.

Убрать все следы было невозможно, но он постарался собрать по кабинету явные улики. И надел свежую отглаженную рубашку, которую хранил в шкафу благодаря своей внимательной жене.

Затем он позвонил охраннику.

– Григорий, поднимитесь ко мне.

Через пять минут в дверь постучали. Охранник, пожилой мужчина с заспанным лицом, вошёл и застыл на пороге, округлив глаза.

– Виктор Андреевич, что у вас случилось? Пожар?

– Небольшой инцидент, – ответил Виктор, стараясь говорить спокойно. – Заискрила розетка, и загорелись бумаги.

– Может быть, вызвать пожарных? – сомневался Григорий, глядя на остатки дымных очагов.

– Я уже справился. Просто пока сбивал пламя, немного повредилась мебель, разбил, разбросал тут кое-что... Нужно, чтобы к восьми утра здесь прибрали. Вызовите уборщицу пораньше, и спросите у завхоза рабочего по мелкому ремонту, у него там есть кто-то...

– А что же я им всем скажу? – туговато соображал Григорий.

– Просто скажите, что в кабинете был локальный пожар. Ничего страшного.

Охранник перевёл взгляд с обгоревшего ковра на треснутое окно, потом на Виктора. В его глазах читалось сомнение, но ректор, вернув своё самообладание при подчинённом, смотрел взглядом начальника, и Григорий передумал задавать лишние вопросы.

– Хорошо, – кивнул он. – Я посмотрю, что тут ещё...

– Не нужно, – поторопился остановить его Виктор, – я сам всё осмотрел. Главное – прибрать и подремонтировать по мелочи тут...

Охранник ушёл, бормоча под нос что-то про старую проводку. Виктор проводил его настороженным взглядом и впервые за ночь почувствовал, что его тайна висит на волоске. Если бы кто-то увидел их с Евой, всё рухнуло бы. Но они вроде бы были один на один с Луной за окном. По крайней мере, он на это надеялся.

Уборщица, пришедшая к семи, только ахнула, увидев кабинет. Виктор сидел за столом и делал вид, что просматривает документы. Он коротко объяснил, что ночью был скачок напряжения, и попросил устранить все следы пожара и навести порядок побыстрее. Она посмотрела на него странно, но принялась за свою работу. Виктор знал, что слухи поползут, но ничего не мог с этим поделать.

Он позвонил Анне. Она не взяла трубку. Виктор набрал ещё раз. Долгие гудки. Потом щелчок.

– Алло, – голос её был сонным, но не родным, а напряжённым.

– Доброе утро, – максимально мягко сказал Виктор. – Ты уже встала?

– Ты не ночевал дома.

– Я был на работе. Засиделся с документами, потом уснул прямо в кабинете. Прости, что не позвонил.

В трубке повисла тишина. Виктор представил, как Анна сидит в кровати, сжимая телефон, и смотрит на пустую половину постели.

– Я волновалась, – сказала она наконец. – Ты мог хотя бы сообщение прислать?

– Прости, Анют. Я отключился. Заседание затянулось, потом я просматривал отчёты... – он сам слышал, как фальшиво звучит его голос.

– Ладно, – тихо ответила она. – Ты приедешь завтракать?

Виктор посмотрел на часы. До начала рабочего дня оставалось меньше часа. Ему нужно было ещё подождать хотя бы несколько часов, чтобы на коже не осталось следов.

– Нет, я перехвачу что-нибудь на работе. Вечером приеду.

– Хорошо, – сказала Анна, и в её голосе ему почудился холод, которого раньше не было. – Вечером поговорим.

Она положила трубку первой. Виктор откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Пламя внутри снова шевельнулось, напоминая о драконьей сути. Он сжал кулаки. Десять лет он жил с этой женщиной, по-своему любил её, заботился, а теперь ложь разъедала их отношения как кислота.

Он подумал о Еве. О её словах, о том, что она устала быть одна. Он тоже устал. Но мог ли он предать Анну? Мог ли уйти? Внутри него боролись два желания: остаться в тёплой, понят-

ной и привычной жизни с женой, которая не знает о его сути, или шагнуть в неизвестность, где есть Ева и собрания, на которых он может быть наконец собой.

Однозначного ответа не было. Слишком много риска таилось в обоих вариантах.

В половине девятого Виктор вышел из кабинета, спустился на первый этаж и через запасной выход направился к своему автомобилю. Утренний воздух был сырым и холодным, но ему казалось, что он ступает по раскалённому песку. Он сел за руль, не включая двигатель, и несколько минут просто сидел, глядя на пустую парковку.

Ева сегодня ещё не появлялась. Виктор не знал, рад ли он этому. Возможно, ей тоже нужно было время, чтобы прийти в себя. Но вечером они должны встретиться у Долины. Он дал слово, что придёт.

День прошёл как в тумане. Виктор провёл два совещания, подписал десяток приказов, ответил на письма. Но мысли его были далеко – в ночном кабинете, в объятиях Евы, на поляне среди менгиров – древних высоких камней. Он плохо помнил, что говорил коллегам. Кажется, речь шла о бюджете на следующий квартал. Он кивал, но никого не слышал.

В обед он заперся в кабинете, который к тому времени уже приобрёл цивилизованный вид, и съел принесённый секретарём сэндвич. Вкуса не почувствовал. На столе лежала та самая папка, которую принесла Ева. Он открыл её: обычные учебные программы с кафедры философии, ничего примечательного. Но от страниц пахло жасмином и грозой. Он захлопнул эту опасную папку.

К вечеру Виктор поехал домой. Ему нужно было переодеться и предупредить Анну, что он снова уедет. Он знал, что этот разговор будет тяжёлым.

Анна встретила его в прихожей. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него с тем выражением, которое он так боялся увидеть: смесь обиды, подозрения и усталости.

– Ты опять уходишь? – неожиданно спросила она вместо приветствия.

– Добрый вечер, Аня. – Виктор снял пальто, повесил на вешалку. – Мне нужно быть на конференции. Это за городом. Я вернусь поздно.

– Конференция? – Она усмехнулась. – Какая конференция может быть ночью? Хотя, сегодня полнолуние...

Виктор замер. Полнолуние. Откуда она знает? Она сама заметила, что он в полнолуния всегда находил причины уйти?

– Ань, я не понимаю...

– Я не дуручка, Витя, – перебила она. – Я вижу, как ты меняешься, когда Луна полная. Ты становишься беспокойным, прячешь глаза, уходишь из дома. Я сначала думала, что у тебя другая. Но потом поняла: дело не в женщине. Дело в тебе.

Виктор молчал. Он не знал, что сказать. Правда была невозможна, а ложь стала слишком фальшивой.

– Я пойду в душ, – сказал он наконец. – Потом поговорим.

Он прошёл мимо жены, чувствуя, как её взгляд жжёт спину. В ванной он включил воду и сел на край чугунной ванны, не раздеваясь. Горячие струи душа били в кафель, пар заполнял комнату. Он вдруг осознал, что ему слишком жарко и придиричиво впился взглядом в свои руки: кожа была обычной, человеческой. Но он знал, что достаточно одного мгновения, чтобы она покрылась чешуёй. Воспоминания нахлынули тут же, коварно подсовывая самые жаркие моменты сегодняшней ночи.

Он разделся, перекинул смеситель на синюю отметку и встал под холодный душ. Ледяная вода обрушилась на плечи, смывая остатки жара. Он дрожал, но это помогало сосредоточиться. Через десять минут он вышел, вытерся. В спальне Анны не было. Он надел чистую рубашку, тёмные брюки, пальто.

Жену он нашёл на кухне. Она сидела за столом, обхватив чашку остывшего чая, и смотрела в окно.

– Сейчас я уеду, – тихо сказал Виктор. – Завтра утром вернусь. И мы поговорим. Обещаю. Анна медленно повернула голову.

– Если ты уйдёшь сейчас, я не знаю, буду ли я здесь завтра.

Эти слова ударили его как пощёчина. Он подошёл, сел напротив, взял её за руку. Она не отдёргнула, но и не ответила на прикосновение.

– Ань, я не могу объяснить сейчас. Но это не то, что ты думаешь. Я не изменяю тебе. По крайней мере, не так, как ты боишься.

– А как? – Она подняла на него глаза, и в них стояли слёзы. – Ты исчезаешь по ночам, от тебя пахнет гарью, ты врёшь про заседания. Что я должна думать?

– Ты должна довериться мне. Просто ещё немного.

Она покачала головой.

– Я устала – просто доверять. Я хочу знать правду.

Виктор отпустил её руку и встал.

– Ты не готова к правде. Поверь.

Он вышел из кухни, взял куртку и ключи от машины. У двери он обернулся.

– Я вернусь. И тогда, может быть, решусь.

Анна ничего не ответила. Дверь захлопнулась.

Виктор сел в машину и поехал к лесу. Он знал, что поступает жестоко. Но он также знал, что если не пойдёт на собрание, если не узнает, что затевают оборотни, он не сможет защитить ни себя, ни её.

Ева ждала его у старой развилки, где асфальт заканчивался и начиналась грунтовая дорога, уходящая в темноту. Она стояла, прислонившись к капоту своей машины, в свитере и тёмном плаще. Волосы были собраны в высокий хвост. Она не улыбалась, но в глазах её горел знакомый золотой огонёк.

– Ты приехал, – выдохнула она, когда Виктор вышел из автомобиля.

– Я же обещал.

– У тебя был разговор с женой?

– Да.

Ева внимательно посмотрела на него, но ничего не спросила. Только кивнула и развернулась к тропе.

– Идём. Нужно успеть. Собрание начнётся, когда Луна поднимется над третьим менги-ром.

Они углубились в лес. Ночь была тёмной. Ева шла первой, уверенно перепрыгивая через корни и отводя ветки. Виктор следовал за ней, чувствуя, как с каждым шагом его звериная сущность всё сильнее откликается на близость Луны и на запах Евы.

– Ты давно знаешь о собраниях? – спросил он, чтобы прервать молчание.

– Больше десяти лет, – ответила она, не оборачиваясь. – Меня привела туда одна волчица, когда я была совсем молодой. Тогда собрания были другими: мы просто делились опытом, помогали друг другу не сойти с ума. Теперь всё изменилось.

– Почему? – озадачился Виктор.

– Потому что сменились лидеры. Старых вожаков сместили, а новые хотят войны. Они считают, что мы должны править.

– А ты?

Ева остановилась и повернулась к нему. В темноте её глаза светились.

– Я хочу мира. И если восстание начнётся, я встану на сторону того, кто сможет его остановить. Просто я думаю, что люди слабее. Это дело по зубам только сильному. Поэтому я и привела тебя.

Виктор ничего не ответил. Они снова пошли вперёд.

Лес становился гуще, тропа – уже. Ветки хлестали по лицу, под ногами чавкал вековой мох. Где-то заухала сова. Пахло сырой землёй, грибами и хвоей. И всё отчётливее – звериным мускусом, который означал, что они приближаются к месту сбора.

– Ты думаешь, – снова заговорил Виктор, – нам предложат участвовать в захвате власти?

– Нас не спросят, – тихо ответила Ева. – Драконы – редкий вид. Нас попытаются использовать. Особенно тебя.

– Почему меня?

– Потому что ты сильный. И потому что ты занимаешь должность, которая даёт доступ к влиянию на других. За тобой университет, а университет – это умы. Они захотят, чтобы ты стал их рупором среди людей.

Виктор сжал челюсти:

– Этого не будет.

Ева остановилась у большого валуна, поросшего мхом, и взяла его за руку.

– Будь осторожен, Виктор. Совет старейшин не любит отказов. И запомни: на собрании не показывай страха. Звери его чувствуют гораздо лучше людей. И не позволяй никому подойти к тебе слишком близко. Особенно волкам.

– Почему именно им?

– Потому что волки считают драконов угрозой. Они захотят проверить твою силу. Если ты не ответишь – посчитают слабым. Если ответишь – спровоцируют на бой. Нужно держать баланс.

Она сжала его ладонь, и он почувствовал, как её жар проникает сквозь кожу.

– Я рядом. Держись меня, и всё будет хорошо.

Они вышли на поляну. Вдалеке уже мелькали огни костров, и слышался низкий гул множества голосов. Виктор расправил плечи и последовал за Евой в круг света.

Глава 3. В Долине Камней

Поляна открылась внезапно, будто лес расступился перед ними, выпуская из своей чёрной утробы. Виктор едва не замер на месте, но усилием воли заставил себя идти дальше. Впереди, на широком пространстве, ограниченном стеной старых елей, высились менгиры – огромные каменные столбы, чёрные, гладкие, словно отполированные языками пламени за тысячи лет. Они стояли кругом, как безмолвные стражи, сверху на них светила Луна, и в их тени металась отблески костра.

Кострище находилось в центре. Огонь не был обычным. Не рыжий, а скорее багровый, с синими языками у основания, будто горело не дерево, а нечто иное, пропитанное звериной магией. В воздухе висел запах смолы, сырой земли и мускуса, от которого ноздри Виктора непроизвольно расширились. Он почувствовал десятки, сотни запахов: волки, медведи, рыси, лисы, барсы, леопарды, другие кошачьи, даже мелкие грызуны, чьи сердца стучали где-то на границе слышимости. Каждый издавал звуки, присущие его природе – были и разговоры на человеческом. Всё это сливалось в единый гул, напоминающий далёкий рокот прибора.

Вокруг костра сидели и стояли люди. Но люди ли? Виктор заметил, как у одного мужчины прямо на глазах вытягивается челюсть в волчью пасть, обнажая клыки. Женщина рядом гладила собственный хвост, покрытый рыжей шерстью, и тихо мурлыкала, как кошка.

Ева уверенно направилась вглубь, лавируя между телами. Виктор следовал за ней, стараясь не выделяться, но это было невозможно. Стоило им войти в круг света, как десятки взглядов устремились на них. Некоторые оборачивались, принимались, шептались. Виктор услышал обрывки мыслей – не словами, а ощущениями: «Дракон... с ней дракон... чужой...» И ещё было что-то, какая-то скрытая угроза исходила от некоторых. Он подавил желание оскалиться и лишь крепче сжал руку Евы.

– Не реагируй, – резко прошептала она, почти не оборачиваясь. – Они проверяют. Держи лицо.

Ева замедлилась, наклонив голову ближе к Виктору, и тихо спросила:

– Наверное, удивляешься, как такое большое сборище до сих пор не обнаружили? Сюда никто не суётся. Менгиры создают поле, которое глушит связь, сбивает навигацию и отводит любые приборы и глаза. Люди могут ходить в километре отсюда и не заметить ни дыма, ни шума, – объяснила она. – Наши предки выбрали это место не случайно.

Они прошли в первый ряд. Здесь, у самого огня, восседали старейшины. Виктор узнал ректора другого университета, который всегда казался ему скучным педантом, но сейчас его глаза горели тёмно-зелёным волчьим огнём. Волк коротко кивнул, и Виктор ответил таким же сдержанным кивком. Он не хотел ни дружить, ни враждовать.

Рядом с ректором-волком сидел огромный мужчина с бритой головой и шрамом через всю щёку. Он не был похож на человека даже в человеческом облике: слишком крупные руки, слишком низкий лоб, слишком хищный взгляд. Медведь. Виктор понял это окончательно по запаху: тяжёлый, немного сладковатый, с примесью мёда и пота. Медведь посмотрел на него с прищуром, но ничего не сказал.

По другую сторону костра, чуть в стороне, стояла женщина с пронзительными зелёными глазами и укороченным рыжеватым хвостом, который нервно подёргивался. Она казалась спокойной, но Виктор уловил исходящее от неё напряжение, как натянутую струну. Рысь. Он вспомнил, что видел её раньше на каких-то заседаниях, но не знал имени.

Ева потянула его за руку, усаживая на свободное место в первом ряду. Скамьей служил поваленный ствол, отшлифованный за долгое время сотнями задов. Виктор опустился на него и огляделся. Собрание было больше, чем он ожидал. По его оценке, на поляне находилось не

меньше трёхсот существ. И это только те, кто пришёл лично. Он понимал, что в других местах, в других городах и странах, сейчас происходили такие же сходки.

– Ева, – тихо позвал он, – почему именно здесь? Почему не в городе? Есть много зданий, где можно надёжно укрыться от лишних глаз.

– Долина Камней – одно из древнейших мест силы, – ответила она, не глядя на него. – Здесь менгиры усиливают связь. Мы можем немного слышать друг друга, даже не превращаясь. Это помогает держать дисциплину.

– И что они будут делать?

– Скоро увидим.

Между тем шум стихал. Оборотни рассаживались, как по команде, и взгляды обращались к костру. Из темноты вышел высокий мужчина в длинном чёрном плаще. Вожак – старый волк по имени Эдгар. Он двигался плавно, по-звериному, но в каждом его жесте чувствовалась властность и сила, которую обычно уважают. Когда он поднял руки, все замолчали.

Голос его раздался и в ушах, и прямо в сознании.

– Братья и сёстры!

Он говорил почти беззвучно, но мысль его вливалась в головы всех присутствующих, как горячий воск. Виктор почувствовал, как его звериная сущность откликается на этот зов, как поднимается из глубины древний инстинкт подчинения вожаку.

– Мы ждали этого тысячи лет. Наша раса была рождена случайно, но мы стали сильнее. Мы прятались, мы ждали, когда человечество достигнет пика своей глупости, и этот час настал. Их ядерные арсеналы, их экологический хаос, их ненависть друг к другу – это наш шанс. Мы объявляем операцию «Пробуждение».

По толпе прошёл гул одобрения. Кто-то вскочил, кто-то зарычал, кто-то ударил кулаком по камню. Виктор почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Это не было театром. Это было настоящее, звериное, голодное.

– У нас есть устройство! – продолжал оратор, и его мысль стала ярче, настойчивее. – Оно настроено на частоту генетического ключа. Через семь дней мы его активируем. Каждый скрытый оборотень на планете проснётся и увидит правду. Они поймут, что они – не люди. Они поймут, что их сила – это их право, которое не стоит больше подавлять. И тогда мы захватим контроль над городами, армиями, правительствами. К началу лунного цикла мы станем новыми хозяевами Земли и всё будет вершиться по нашим законам!

Взрыв эмоций захлестнул поляну. Люди и звери кричали, выли, рычали. Виктор увидел, как у соседнего парня на глазах выросли когти, и он разорвал ими рукав куртки. Девушка рядом с ним зашипела, и её глаза стали вертикальными щелями дикой кошки. Костер взвился выше, будто подпитанный этой коллективной яростью.

Виктор повернулся к Еве. Она сидела неподвижно, глядя на Эдгара, и лицо её было холодным, как камень. Но он чувствовал, как её рука, сжимающая его ладонь, стала горячее.

– Ты знала? – прошептал он.

– Знала, что готовится что-то. Не знала, что так скоро.

– И что мы будем делать?

– Сначала послушаем до конца. Потом решим.

Между тем оратор опустил руку, и шум постепенно утих. Он обвёл толпу взглядом, который задержался на Викторе и Еве, но не выказал никаких эмоций.

– Среди нас есть те, кто сомневается, – произнёс он, и его мысль коснулась каждого, как лезвие. – Я чувствую страх. Я чувствую слабость. Но страх – это человеческое. Мы не люди. Мы – звери. И наша природа – это сила. Если кто-то не готов к войне, пусть уйдёт сейчас, пока костёр не погас.

Он сделал паузу. Никто не двинулся. Только рысь с рыжим хвостом – та самая, что стояла у края, – поднялась со своего места и вышла в круг света.

– Я не боюсь войны, – сказала она, и голос её был резким, как удар когтя. – Я боюсь глупости. Ты сулишь нам власть, но не обещаешь выживания. Что будет с нами, когда люди узнают о нас? У них оружие, у них армии. Мы сильны, но нас меньше, чем людей. Нас раздавят.

Оратор посмотрел на неё без гнева, даже с интересом.

– Ильза, – произнёс он, – твоя осторожность понятна. Но ты забываешь главное. Когда устройство активируется, восемьсот миллионов зверей проснутся одновременно. Люди не смогут противостоять нам, потому что мы будем среди них. Мы – их врачи, учителя, солдаты, полицейские. Мы – их друзья и соседи. Они не смогут стрелять в нас, потому что не будут знать, кто мы.

Ильза покачала головой.

– Это самообман. Узнают, ведь ты не поручишься за каждого, большинство выдаст себя, натворят глупостей. И тогда начнётся хаос, в котором погибнут и люди, и мы.

– Лучше хаос, чем вечное рабство, – отрезал оратор.

Толпа зароптала. Одни поддерживали Ильзу, другие – вожака. Виктор почувствовал, как напряжение нарастает, и понял, что всё это может перерасти в драку.

Тогда Ева поднялась. Её голос, усиленный мыслью, прозвучал в головах всех, как раскат грома:

– Хватит.

Мгновенно наступила тишина. Даже Эдгар повернулся к ней, и в его глазах мелькнуло удивление.

– Мы пришли сюда, чтобы слушать, – сказала Ева, и её мысль была холодной и твёрдой. – Ты объявил операцию. Мы услышали. Теперь дай нам время подумать. Драконы не принимают решений в спешке.

Оратор прищурился.

– Драконы вообще редко приходят на наши собрания. Я рад, что теперь среди нас есть представители вашего рода. Но не забывай, Ева, что твой голос – не решающий. Мы уважаем драконов за силу, но решение принимает большинство.

– Большинство уже проголосовало криком, – ответила она. – Но крик – не голос. Прежде чем мы разбудим оборотней, нужно понять, чем это закончится. Я предлагаю отложить активацию.

Эдгар улыбнулся, но его улыбка не была доброй.

– Отложить? Устройство готово. Оно ждёт. Каждый день отсрочки – это риск. Люди могут нас обнаружить.

– Люди не обнаружат, – спокойно возразила Ева. – Мы скрывались веками.

Эдгар помолчал, потом проговорил с глухим рыком.

– Нет, семь дней, как и было сказано. Но запомни, дракон: если через семь дней ты не будешь с нами, ты будешь против нас.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен. В тот же миг из толпы волков донёсся низкий, гортанный смех.

– Против нас? – раздался голос из тени. – Да этот дракон даже не знает, что такое быть против.

В центр поляны вышел высокий полуволок с сединой в гриве и жёлтыми, горящими глазами. Он двигался на человеческих ногах с лёгкостью хищника, привыкшего убивать. Это был волк Гром. За ним, скалясь, выступили ещё трое – молодые, крепкие, с руками, уже начавшими обрастать шерстью.

– Ты, дракон, думаешь, что можешь прийти на нашу землю, оспорить решение старейшин и уйти? Нет. Ты покажешь, на что способен. Прямо здесь. Прямо сейчас.

– Это не обязательно, – тихо сказала Ева, вставая между Виктором и волками. – Мы уходим. Мы не ищем конфликта.

– А он? – усмехнулся Гром. – Посмотри на него. Он боится. Или я ошибаюсь?

Он шагнул вперёд, и на его руке блеснули длинные когти – чёрные, заточенные, как лезвия. Двое молодых волков двинулись с флангов, отрезая Виктору путь к отступлению. Третий остался позади, готовый ударить в спину.

Виктор медленно перевёл взгляд на Еву. В его глазах не было страха. Только странное, спокойное понимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.